

ца, развохаца, разгутарыцца, раззвінеца, раскінеца, раскуваца, расп'янстваца, раскаца, расхлусіцца).

Прэфіксы ў гэтых дзеясловах выступаюць як асноўныя выразнікі новых лексічных значэнняў. У шэрагу выпадкаў, калі патрабуецца раскрыць лексічнае значэнне дзеяслова ў аб'екце, яны садзейнічаюць выражэнню ўскоснай пераходнасці (*ужыцца ў ролю, дасядзеца да пейняў, разжыцца на грошы*).

У сучаснай беларускай мове прадуктыўнымі з'яўляюцца ўтварэнні з прыстаўкамі раз-/рас-/ (*раскапрыціцца, разбожжацца, разбрысціся, разбуркацца, разважнічацца, разгаласіцца, разгаманіцца, разгаўкацца, разгудзеца, раз'енчыцца, разладзіцца, разныцца, разрохкацца, расхаркацца, раскудахтацца, распазыхацца, распішчацца, расхрапіцца*); ад- (*адвісеца, аджартавацца, адмаўчацца, адфыркацца, адбрахацца, адбегацца, аддыхацца*); да- (*дабегацца, дагандлявацца, дакрычацца, даплавацца, даплакацца, дасваволіцца, дасвістацца*); з-/с- (*збедавацца, зваарыцца, здыхацца, злайдачыцца, зляжацца, зжыцца, скрычацца, скапыцца, ссесціся*).

Да малапрадуктыўных адносяцца ўтварэнні з прэфіксамі а- (*азірнуцца, аступіцца*); вы- (*выбегацца, выплакацца, выпсацца*); за- (*залгацца, залажацца, задыхацца, зарাপартавацца*); у- (*ухітрыцца, улегчыся, усесціся, успацца*); па- (*папнуцца, паплаціцца*); пера- (*перасвіснуцца*); пры- (*прыглянуцца, прыесціся*).

Прэфіксальна-пастфіксальны спосаб выяўляе найбольшую прадуктыўнасць непераходных дзеясловаў. А ў некаторых жа выпадках утварэнне зваротных дзеясловаў з удзелам таго ці іншага прэфікса наогул магчыма толькі ад непераходных дзеясловаў. У гэтым якраз і заключаецца адрозненне постфікса -ся, што ўжываецца ў ролі самаўтваральнага элемента сумесна з прыстаўкамі, ад функцыі яго як самастойнага словаўтваральнага элемента, бо ў апошнім выпадку -ся далучаецца да пераходных дзеясловаў. Тлумачыцца гэта тым, што постфікс -ся, які некалі ўяўляў сабою форму вінавальнага склону займенніка, аглюцінаваўся ў першую чаргу з пераходнымі дзеясловамі. Для ўтварэння вытворных ад непераходных дзеясловаў постфікс -ся стаў выкарыстоўвацца сумесна з прыстаўкамі. Адбылося гэта, напэўна, пазней, тады, калі за дадзеным постфіксам замацавалася роля словаўтваральнага элемента. Прэфіксальна-пастфіксальныя дзеясловы непераходныя і адносяцца да заканчанага трывання.

¹ У далейшым будзем прыводзіць з магчымых морфаў толькі -ся.

² Некаторыя значэнні прэфіксаў раскрываюцца толькі ў дзеясловах, якія маюць пры сабе аб'ект дзеяння — прамы ці ўскосны (*угрызіцца ў зямлю, захацца ў каго-небудзь*).

Е. Г. ТАРАСЕВИЧ

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С РАЗНООФОРМЛЕННЫМИ ПО ЧИСЛУ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ВАРИАНТАМИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, «семантика неисчисляемости и как итог отсутствующая или неполная возможность числового параллелизма обнаруживается не только в сфере отдельного слова, но и в сфере значений одного слова»¹. Для описания специфики отношения таких слов к грамматической категории числа удобно воспользоваться терминами П. А. Соболевой, предложившей называть имена существительные, все лексико-семантические варианты (далее — ЛСВ), которые ведут себя одинаково по отношению к формам числа, гомогенными, а имена существительные, ЛСВ которых получают различное числовое оформление, гетерогенными; «у гомогенных существительных все ЛСВ либо коррелируют по числу, либо одинаково не коррелируют», а «у гетерогенных слов одни ЛСВ коррелируют по

числу, а другие не коррелируют, либо все не коррелируют, но не коррелируют по-разному².

Так, в русском языке гомогенными являются, например, слова *звезда* (оба его ЛСВ — «небесное тело» и «выдающийся актер» — коррелируют по числу) или *ножницы* (оба ЛСВ — «портновский инструмент» и «резкое расхождение между чем-нибудь» — одинаково не коррелируют по числу, относясь к именам plur. tantum), а гетерогенным — слово *акварель* (в значении «краска» — sing. tantum, в значении «художественное полотно» имеет обе числовые формы).

Аналогично в белорусском языке существительное *цёмра*, например, является гомогенным (оба ЛСВ — «отсутствие света, темнота» и «культурная отсталость» — имеют форму только ед. числа), а существительное *усход* — гетерогенным (ЛСВ «появление светила над горизонтом» оформляется соотносительными числовыми формами, а ЛСВ «одна из четырех сторон света» — только ед. числом).

Анализ имен существительных, различные ЛСВ которых получают различные формы словоизменения, позволяет выделить три основных типа расхождений в их числовом оформлении в русском и белорусском языках.

1. Различия в числовом оформлении русских и белорусских имен существительных могут быть связаны с различным объемом их семантической структуры. Напр.: рус. доброта — бел. *дабрата/даброты*.

В современных русском и белорусском языках существительные *доброта* и *дабрата/даброты* имеют общий ЛСВ «отзывчивость, стремление делать добро другим», оформленный в обоих языках только ед. числом*. Но отношение белорусского существительного *дабрата/даброты* к категории числа усложняется за счет того, что в его семантическую структуру входит ЛСВ-2 «материальные блага» (plur. tantum), напр.: *І я ўрэшце разгледзеў непамернае жаданне жыць, толькі адбіраючы даброты і нічым не плацячы жыццю і людзям...* (У. Караткевіч. Чорны замак Альшанскі).

Необходимо отметить, что памятники древнерусской, старорусской, старобелорусской письменности фиксируют свободное употребление существительного *доброта* в форме мн. числа в самых различных значениях — «добродетели», «ценности», «украшения», «красоты», «достоинства» и под., напр.: *търпи скърби в скърбѣхъ бо доброты цвьтоуть*

акы въ тръньи цвьтъи (Изборник 1076 г.); *оузрѣвъ анлы различными добротами оукрашены* (Успенский сборник, XII—XIII вв.); и *приведе ему на приобщение браку добротами светящуюся Евдокию яже обилие имущи доброты личнии* (Хроника Константина Манассии, XVI в.); *всѣхъ сокровищныхъ царскихъ доброт властохранителя надо всѣми постави* («Временник» Ивана Тимофеева, XVII в.). Аналогично в белорусских памятниках, напр.: за такие доброты и ласки дары и иными ласками им милостиве отдарить (Жалованная грамота короля Казимира феодалам вел. кн. Лит., 1457 г.); а *ѿ иныхъ ба^тсамовыхъ добротахъ и моцѣ до^тго бы преповедати* (Сказка о трех королях-волхвах, XV в.). Но если в русском языке в процессе возрастания абстрактности, отвлечения понятия от конкретных, ситуативно определенных значений форма мн. числа, ориентированная на выражение этих значений, была утрачена, то в белорусском языке к аналогичным преобразованиям присоединилась семантическая дифференциация форм ед. и мн. числа при лексикализации последней в значении «материальные блага».

К этому же типу расхождений в числовом оформлении имен существительных относятся такие русско-белорусские параллели, как рус. *шепот* — бел. *шэпт/шэпты* (общий ЛСВ «тихая речь, при которой звуки произносятся без участия голосовых связок», в обоих языках оформляется

* Здесь и в ряде следующих случаев нецелесообразным представляется анализ всех значений того или иного слова; для краткости и удобства рассмотрения выбираются основные значения, позволяющие наиболее четко проиллюстрировать специфику их числового оформления в русском и белорусском языках.

только ед. числом; ЛСВ «заговор, заклинание», входящий в семантическую структуру бел. *шэпт/шэпты*, имеет парадигму только мн. числа, напр.: Вы любіце шуткаваць з мяне і з маіх шэптаў, а я ўсё ж шаптала вам, бо мне стала вас шкада (Я. Колас. На ростанях); рус. *животное/животные* — бел. *жывёла/жывёлы* (наряду с общим для русского и белорусского существительных ЛСВ «живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и чувствовать», имеющим в обоих языках двучисловую парадигму, бел. *жывёла* имеет также собирательное значение «сельскохозяйственный и домашний скот» (sing. tantum), напр.: Усцяж вады лужок стаптала жы в ё л а, людзі, птушкі... (В. Карамазяў. Пагоннік)) и ряд других.

Возможно и обратное соотношение разноформленных по числу имен существительных в русском и белорусском языках: гомогенному белорусскому существительному в русском языке может соответствовать гетерогенное слово с более широким набором ЛСВ, ср.: рус. *сладость/сладости* — бел. *саладосць* (и русское и белорусское существительные имеют значения «свойство сладкого, сладкий вкус», перен. «приятное ощущение, наслаждение» (sing. tantum); кроме того, рус. *сладость/сладости* включает в свою семантическую структуру значение «кондитерские изделия», оформленное мн. числом), аналогично рус. *удовольствие/удовольствия* — бел. *задавальненне*, рус. *лишение/лишения* — бел. *пазбайленне* и под.

2. Причиной расхождений в числовом оформлении русских и белорусских имен существительных может быть и «асимметричное» распределение тех или иных ЛСВ по лексемам; иначе говоря, разноформленным ЛСВ существительного в одном языке могут соответствовать две (иногда и более) лексем в другом. Напр.: рус. *знание/знания* — бел. *веданне* — *веды*.

Русское гетерогенное существительное *знание/знания* включает в свою семантическую структуру два разноформленных ЛСВ: ЛСВ-1 Sing. tantum «постижение действительности сознанием, наука» и ЛСВ-2 plur. tantum «совокупность сведений, познаний в какой-либо области». В белорусском языке первому ЛСВ соответствует лексема *веданне*, имеющая парадигму только ед. числа, а второму ЛСВ — лексема *веды* (plur. tantum). При этом необходимо отметить, что в русском языке не всегда можно констатировать жесткую закрепленность форм ед. и мн. числа за соответствующими значениями. Как правило, контекст требует определенного числового оформления того или иного значения, напр.: Но она-то знала, что лучше нее ничего быть не может, и это з н а н и е, которое она не могла внушить людям, душило ее, как душит постоянное созерцание абсурда (А. Белай. Овца); Тех з н а н и й и того развития, что Надька получила в школе, ей за глаза хватило, чтобы поступить в химико-технологический институт (там же). Но иногда формы ед. и мн. числа в контексте оказываются вполне взаимозаменяемыми, напр.: Я же в этой истории — дилетант, существо бытовое и внеслужебное, моя фантазия раскована, не испугана практическим з н а н и е м (В. Орлов. Альтист Данилов). Тот факт, что в русском языке отмеченные значения совмещены в рамках одной лексемы при нежестком характере закрепленности за этими значениями числовых форм, делает возможным интересное обыгрывание форм *знание/знания* с созданием своеобразных контекстуальных, ситуативных оттенков значения, напр.: «А ты считаешь, что располагаешь з н а н и е м?» «Да, я располагаю слишком многими з н а н и я м и». (В. Орлов. Альтист Данилов).

Однозначно интерпретировать значение формы *знания* в приведенном контексте вряд ли возможно: ее можно квалифицировать и как ЛСВ-2, и как мн. экспрессивное от ЛСВ-1, и как синкретичную форму, совмещающую оба эти значения. Так или иначе, очевидно, что такое обыгрывание форм ед. и мн. числа существительного *знание/знания* буквально непереводимо на белорусский язык, где значения, соответствующие этим формам, закреплены за различными лексемами.

К этому же типу могут быть отнесены такие русско-белорусские па-

параллели, как рус. *кирпич/кирпичи* (sing. tantum и sing/plur) — бел. *цэгла* (sing. tantum) и *цагляна/цагліны* (sing/plur); рус. *снежок/снежки* (sing. tantum, sing/plur и plur. tantum) — бел. *сняжок* (sing. tantum) и *снежка/снежкі* (sing/plur и plur. tantum) и т. п.

3. Наконец, различия в числовом оформлении имен существительных могут наблюдаться и при тождестве их семантических структур в русском и белорусском языках. Анализ русско-белорусских параллелей этого типа представляет особый интерес, т. к. благодаря идентичности значений таких существительных возникает наиболее реальная возможность грамматической интерференции. Напр.: рус. *отношение/отношения* — бел. *адносiны*.

В русском языке существительное *отношение/отношения* имеет два несоотносительных по числу ЛСВ: ЛСВ-1 «характер обращения с кем-нибудь, поведение в отношении кого-нибудь» (sing. tantum) и ЛСВ-2 «взаимное общение, связь между кем-нибудь» (plur tantum). При этом в современном русском языке формы ед. и мн. числа строго дифференцированы, четко закреплены за соответствующими значениями, в то время как в литературном языке XIX века в их употреблении наблюдались колебания: форма мн. числа могла употребляться и в первом значении при ее обязательности во втором, напр.: *Отношения ее к мужу, до которых я никогда бы не коснулся, были высказаны* (А. И. Герцен. *Былое и думы*); *Самое неинтересное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князя, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители* (А. П. Чехов. *Письмо М. О. Меншикову от 28.01.1900 г.*). Ярко иллюстрирует нежесткий характер закреплённости какой-либо числовой формы за ЛСВ-1 следующий отрывок из романа Л. Толстого «*Анна Каренина*», ср.: *Только в самое последнее время, по поводу своих отношений к Анне, Вронский начинал чувствовать, что свод его правил не вполне определял все условия... Теперешнее отношение его к Анне и к ее мужу было для него просто и ясно... Отношения к обществу тоже были ясны... Отношения к мужу были яснее всего.*

В современном белорусском языке ЛСВ-1 и ЛСВ-2 существительного *адносiны*, аналогичные ЛСВ рус. *отношение/отношения*, оформляются только мн. числом, напр.: *Мусiць, цяпер, калi ўсё ў жыццi перайначыла ся, перайначыліся i адносiны да самагонкi* (В. Быкаў. *Знак бяды*). — *З Карнiлам у яе здаўна былі асаблiвыя адносiны, якiя колiсь ледзьве не сталi агульным iх лёсам* (там же). Вероятно, только как результат влияния белорусского языка (т. е. как проявление интерференции на грамматическом уровне) можно квалифицировать следующее употребление формы *отношения* в русскоязычном тексте, созданном на территории Белоруссии, ср.: *Ведущему, видимо, надоело демонстрировать аппараты, решил взять интервью у случайных прохожих, пусть осудят самогонщиков, пусть те видят, что народ не с ними.*

— *Ваши отношения к самогоноварению?* — спросил он интеллигентного вида мужчину средних лет (В. Ширко. *Диалог с повседневностью*).

Таким образом, анализ имен существительных, лексико-семантические варианты которых могут получать различные формы словоизменения, позволяет рассмотреть интересный аспект системной соотносимости грамматической категории числа в двух близкородственных языках. Очевидно, что при глубокой генетической и системно-логической близости категории числа в русском и белорусском языках различия в функциональной значимости, оттенках значений, дистрибуции числовых форм охватывают достаточно широкий круг лексем и отличаются большим разнообразием; анализ таких явлений помогает как «выявить скрытые, но порой существенные различия в организации сопоставляемых грамматических категорий на семантико-структурном уровне»³, так и глубже осознать особенности организации этих категорий в каждом из рассматриваемых языков.

¹ Маркарян Р. А. Семантическое противодействие в русском формообразовании // Русский язык: Вопрос теории и методики. Ереван, 1976. С. 7.

² Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980. С. 114.

³ Петрухина Е. В. Функционально-системное сопоставление грамматических категорий русского и других славянских языков // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 6. С. 28.

Е. Е. ЛИСОВСКАЯ

О ПОВТОРЯЮЩИХСЯ КОМПОНЕНТАХ СЛОЖНЫХ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Как известно, регулярно воспроизводящиеся, повторяющиеся в ряде сложных и сложносокращенных слов корневые элементы в лингвистической литературе получили название морфем промежуточного типа — аффиксоидов. Упоминание о переходных морфемах, сочетающих признаки корней и аффиксов, встречается в работах многих советских лингвистов¹, в вузовских учебных пособиях по словообразованию. Вопрос этот актуален как в теоретическом, так и в практическом плане: при классификации морфем, различении способов словообразования (сложение и аффиксация), в лексикографии (одна из задач словообразовательной теории — «вооружить лексикографов критерием, при помощи которого можно было бы отобрать» аффиксоиды для включения в толковые словари в качестве самостоятельных словарных статей²), а с развитием компьютерной лингвистики — для подготовки справочной базы машинного фонда русского языка, для создания словарей матричного типа³.

Для решения прикладных задач необходимы прежде всего статистические данные о составе морфем русского языка. Откуда же можно почерпнуть такие сведения? В двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова данных о количестве морфем нет. В «Словаре морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой в качестве приложений даны списки корневых и служебных морфем (префиксов и суффиксов), но аффиксоиды не выделены. В «Русской грамматике» (РГ), наряду с префиксами, суффиксами, постфиксами и флексиями, дан указатель повторяющихся компонентов сложений, сращений и аббревиатур, предшествующих опорному (их насчитывается 154), и повторяющихся опорных компонентов сложений и аббревиатур (67). Термин «аффиксоид» в РГ не употребляется, хотя один из авторов соответствующих разделов РГ в энциклопедии «Русский язык» дает следующее определение: «Аффиксоид — компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу-суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов)»⁴.

Попытка создать исчерпывающий, максимально полный индекс аффиксоидов сделана составителями «Обратного словаря русского языка» (ОС): в виде приложения в нем представлены «так называемые суффиксоиды, т. е. часто встречающиеся вторые части сложных слов, приближающиеся по своей функции к суффиксам, и так называемые префиксоиды, т. е. часто встречающиеся первые части сложных слов (по своей функции нередко приближающиеся, правда, скорее к самостоятельным прилагательным или наречиям, чем к префиксам)»⁵. В приложении к ОС насчитывается 728 префиксоидов и 219 суффиксоидов. Подобно РГ, основным критерием отбора здесь является повторяемость, частая встречаемость корневых компонентов сложных слов.

Нам кажется, что перечень РГ и приложение ОС составлены не совсем корректно и задачу создания списка аффиксоидов нельзя считать решенной. Поэтому представляется справедливым замечание Н. М. Шанского о том, что «аффиксоиды в русском языке почти не изучались, ни в